
ЗАНЯТІЯ ПУШКИНА

КЪ МАТЕРІЯЛАМЪ ДЛЯ ЕГО БІОГРАФІИ.

Исторія Пугачевского бунта была издана Пушкинымъ въ концѣ 1835 года съ предисловіемъ, которое помѣчено: „2 ноября 1833 г. Село Болдино.“¹

Въ этомъ предисловіи онъ говоритъ, что сверхъ официальныхъ документовъ обнародованныхъ правительствомъ и извѣстій иностранныхъ писателей, онъ пользовался нѣкоторыми рукописями, преданіями и свидѣтельствомъ живыхъ.

Далѣе, изъ этого же предисловія видно, что дѣло о Пугачевѣ осталось тогда неразпечатаннымъ. Пушкинъ прямо упоминаетъ о томъ и изъявляетъ надежду, что будущій историкъ, которому позволено будетъ распечатать дѣло о Пугачевѣ, легко исправитъ и дополнитъ его трудъ.

¹ Объявленіе о продажѣ ея помѣчено въ фельетонѣ *Сѣверной Пчелы* 29 декабря 1834 № 296. Цѣна книги была 20 р., а съ пересыкою 22 р. (всего). Рукопись этого сочиненія, составляющая толстую листовую тетрадь, но только отчасти писанная самимъ Пушкинымъ, хранится нынѣ въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Предисловіе переписано рукой товарища Пушкина по лицу, М. Л. Яковлева. Между приложеніями шиты печатные листы изъ книги: *Записки о физики и службѣ Бибикова*.

Какими же рукописями пользовался Пушкинъ? Въ своемъ возраженіи на критику Броневскаго, напечатанную въ *Сынъ Отечества*, онъ говоритъ: „я прочелъ со вниманіемъ все что было напечатано о Пугачевѣ, и сверхъ того 18 толстыхъ томовъ in folio разныхъ рукописей, указовъ, донесеній и пр.“

Въ матеріалахъ для біографіи Пушкина, изданныхъ г. Анненковымъ (стр. 360), сказано, что онъ получилъ право сноситься съ С.-Петербургскимъ архивомъ инспекторскаго департамента и съ Московскимъ отдѣленіемъ его; что вмѣстѣ съ тѣмъ ему открытъ былъ главный Московскій архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, которому посвятилъ онъ нѣсколько мѣсяцевъ 1836 г., и что съ сокровищами государственнаго архива онъ ознакомился подъ руководствомъ и наблюденіемъ графа Д. Н. Блудова. Въ этихъ указаніяхъ не довольно точно обозначены эпохи и дѣла занятій Пушкина въ разныхъ архивахъ.

Главными и почти единственными рукописными источниками при этомъ трудѣ служили ему документы хранящіеся въ архивѣ инспекторскаго департамента военнаго министерства, частью въ С.-Петербургѣ, частью въ Москвѣ¹. Они состоятъ большею частію въ перепискѣ военной коллегіи съ мѣстными начальниками, въ бумагахъ касающихся преимущественно численнаго состава и передвиженія войскъ, въ манифестахъ Пугачева и допросахъ нѣкоторымъ изъ его сообщниковъ. Притомъ, въ этихъ книгахъ болѣе обильные матеріалы относятся только къ первой половинѣ бунта, которая потому и разработана у Пушкина съ большею полнотою и точностію нежели послѣдняя половина,—періодъ назначенія Панина, преслѣдованія Пугачева Михельсономъ, поимки самозванца, слѣдствія и суда надъ нимъ. Вотъ почему и изъ документовъ этой второй эпохи Пушкинъ не напечаталъ почти ничего въ приложеніяхъ къ своей книгѣ.

Въ возраженіяхъ на критику Броневскаго онъ говоритъ, что имѣлъ намѣреніе приготовить второе, болѣе совершенное изданіе своего труда. „Я собирался,“ сказано въ самомъ

¹ По благосклонному распоряженію г. военнаго министра, я имѣлъ въ рукахъ двѣ толстыя переплетенныя книги здѣшняго архива инспекторскаго департамента, которыми пользовался Пушкинъ.

началѣ этой антикритики: „при другомъ изданіи исправить замѣченныя погрѣшности“... Вотъ почему уже вскорѣ послѣ напечатанія исторіи Пугачевского бунта Пушкинъ, конечно, побуждаемый критикою, сталъ искать новыхъ матеріаловъ для изученія этой эпохи. Между прочимъ, зная объ участи Державина въ дѣйствіяхъ противъ Пугачева, онъ обращался къ родственникамъ поэта съ просьбою позволить ему просмотрѣть записки, а можетъ-быть и другія бумаги покойнаго относящіяся къ Пугачевщинѣ. Объ этомъ свидѣлствуютъ слѣдующія строки изъ письма вдовы Державина Дарьи Алексѣевны къ К. М. Бороздину, отъ 28 іюля 1834, изъ села Званки: „Благодарю тебя, душа моя Константинъ Матвѣевичъ, за увѣдомленіе въ разсужденіи моей бумаги. И я твоихъ же мыслей—оставить оное до моего возвращенія, тѣмъ болѣе что оная бумага и переписана въ скорости быть не можетъ. Итакъ скажи, душа моя, объ этомъ Леониду ¹, дабы онъ извинился передъ Пушкинымъ и сказалъ бы ему, что прежде моего пріѣзда удовлетворить его нельзя по причинѣ той, что оная бумага не одно Пугачевское дѣло въ себѣ заключаетъ, слѣдственно посему надо прежде оную разсмотрѣть, а безъ себя оное мнѣ сдѣлать не возможно“. Вѣроятно, и по возвращеніи Дарьи Алексѣевны въ городъ, бумаги ея мужа не были доставлены Пушкину: по крайней мѣрѣ нѣтъ никакихъ данныхъ для предположенія, чтобъ онѣ были въ рукахъ его.

Счастливецъ былъ онъ въ своихъ стараніяхъ найдти доступъ къ актамъ государственнаго архива. Здѣсь кстати прослѣдимъ весь ходъ дѣла по допущенію его къ разнымъ хранилищамъ этого рода ².

23 іюля 1831 года графъ Бенкендорфъ, по высочайшему повелѣнію, увѣдомилъ графа Нессельроде, чтобъ онъ опредѣлилъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ „извѣстнаго нашего

¹ Леониду Николаевичу Львову, племяннику Державина по женѣ. Бороздинъ былъ женатъ на сестрѣ этого Львова, Прасковѣ Николаевнѣ.

² Указаніемъ любопытной переписки относительно бумагъ государственнаго архива, обязавъ я П. П. Пекарскому. Пользуюсь этимъ случаемъ для публичнаго изъясненія моей искренней признательности, какъ г. управляющему архивомъ Ѡ. И. Гильфердингу, такъ и архиваріусамъ: вышнему, уже названному мною, и преждему, В. И. Ламанскому, за истинно просвѣдательную, предупредительную готовность, съ которою они содѣйствовали моимъ занятіямъ въ архивѣ.

поэта *титулярнаго совѣтника* Пушкіна съ дозволеніемъ отыскивать въ архивахъ матеріалы для исторіи Петра I. Въ этому Бенкендорфъ присоединилъ свою просьбу назначить Пушкіну жалованье.

Въ этой бумагѣ чинъ Пушкіна означенъ былъ ошибочно. Въ запискѣ, представленной государю 12 января 1832 г., графъ Нессельроде, докладывая, что во исполненіе высочайшей воли, *коллежскій секретарь* Пушкінъ опредѣленъ въ коллегію и потомъ пожалованъ въ титулярные совѣтники, испрашивалъ благоугодно ли, чтобъ ему открыты были и всѣ секретныя бумаги, какъ-то: о первой супругѣ Петра, о царевичѣ Алексѣѣ, также дѣла бывшей тайной канцеляріи.

Государь рѣшилъ этотъ вопросъ тѣмъ, чтобы секретныя бумаги были открыты Пушкіну не иначе какъ по назначенію графа Блудова ¹. вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣно было, чтобы Пушкінъ прочтеніемъ дѣлъ и составленіемъ изъ нихъ выписокъ занимался въ коллегіи, и ни подъ какимъ видомъ не бралъ вообще ввѣряемыхъ ему бумагъ къ себѣ на домъ. Объ этомъ Нессельроде увѣдомилъ графа Дмитрія Николаевича 15 января, черезъ три дня послѣ доклада.

Между тѣмъ Пушкінъ возымѣлъ мысль написать исторію Суворова, и въ началѣ 1833 г. возникаетъ, вслѣдствіе этого, переписка по военному министерству ². 8 февраля того же года, графъ А. И. Чернышевъ, вѣроятно по поводу личнаго объясненія, просилъ его „увѣдомить, какія именно свѣдѣнія нужно будетъ ему получить“ изъ этого министерства для сказанной дѣли. „Приношу вашему сіятельству,“ отвѣчалъ Пушкінъ, „искреннѣйшую благодарность за вниманіе оказанное къ моей просьбѣ. Слѣдующія документы, касающіеся исторіи графа Суворова, должны находиться въ архивахъ главнаго штаба:

- 1) Слѣдственное дѣло о Пугачевѣ.
- 2) Донесенія графа Суворова во время кампаніи 1794 г.
- 3) Донесенія его 1799 г.

¹ Съ 1832 года министра внутреннихъ дѣлъ, а передъ тѣмъ товарища министра народнаго просвѣщенія и пр.

² Возможностію сообщить содержаніе этой переписки обязанъ я внимательности г. начальника архива инспекторскаго департамента, А. Г. Иванова, которому и приношу также мою искреннюю признательность.

4) Приказы его къ войскамъ.

„Буду ожидать отъ вашего сіятельства позволенія пользоваться сими драгоценными матеріалами“. (Письмо ошибочно помѣчено 7 февраля, вѣроятно вмѣсто 9).

Означенныхъ тутъ дѣлъ въ здѣшнемъ архивѣ инспекторскаго департамента не оказалось, и потому о нихъ тотчасъ же написано въ московское отдѣленіе архива, а между тѣмъ къ Пушкину отправлены 25 февраля, при отношеніи военнаго министра въ третьемъ лицѣ¹, отысканныя здѣсь три книги, изъ которыхъ двѣ уже обозначены мною выше, а третья содержитъ письма и донесенія Суворова за 1789, 90 и 91 года.

Вскорѣ были присланы изъ Москвы донесенія Суворова во время компаній 1794, 99 и частью 1800 года, а также реляціи его за два послѣдніе года. 8 марта эти матеріалы были препровождены къ Пушкину опять при такой же бумагѣ военнаго министра, съ увѣдомленіемъ, что приказовъ Суворова къ войскамъ и слѣдственнаго дѣла о Пугачевѣ не находится и въ московскомъ отдѣленіи архива.

Пушкинъ въ тотъ же день отвѣчалъ графу Чернышеву.

„Доставленные мнѣ, по приказанію вашего сіятельства, изъ московскаго отдѣленія инспекторскаго архива книги получить имѣлъ я честь. Принося вашему сіятельству глубочайшую мою благодарность, осмѣливаюсь безпокоить васъ еще одною просьбою: благосклонность и просвѣщенная снисходительность вашего сіятельства совсѣмъ избавили меня.

„Въ бумагахъ касательно Пугачева, полученныхъ мною предъ симъ, извѣстія о немъ доведены токмо до назначенія генераль-аншефа Бибикова, но донесеній сего генерала въ военную коллегію, также какъ и рапортовъ князя Голицына, Михельсона и самого Суворова, тутъ не находится. Если угодно будетъ его сіятельству оныя донесенія и рапорты (съ января 1776 г. по конецъ того же года)

¹ „Его благородію А. С. Пушкину. Военный министръ, препровождая при семъ къ А. С. Пушкину трикниги“ и проч. Отпуски съ этого и другихъ отношеній къ Пушкину засвидѣтельствованы служившимъ, тогда въ военномъ министерствѣ М. Д. Деларю, также бывшемъ ладейскимъ воспитанникомъ и поэтомъ. Извѣстно, какъ онъ пострадалъ, чрезъ нѣсколько времени за переводъ весьма невинныхъ стиховъ В. Гюго, напечатанный въ *Библ. для Чтенія*.

приказать мнѣ доставить, то почту сіе за истинное мнѣ благодарѣніе.

„Съ глубочайшимъ почтеніемъ, преданностію и благодарностію честь имѣю быть“ и проч.

Вслѣдствіе этого письма, были вытребованы изъ Москвы и доставлены Пушкину (29 марта) рапорты Бибикова, князя Голицына и Суворова за 1774 годъ; рапортовъ же Михельсона въ дѣлахъ военнаго министерства не оказалось.

Бумаги, полученныя Пушкинымъ изъ этого вѣдомства и составлявшія двѣнадцать книгъ, оставались у него почти до конца 1835 г., то-есть еще годъ послѣ изданія сочиненія его о Пугачевскомъ бунтѣ. Въ сентябрѣ этого года, дежурный генералъ главнаго штаба, графъ П. А. Клейнмихель, потребовалъ ихъ обратно, такъ какъ въ нихъ встрѣчалась по инспекторскому департаменту надобность Пушкину же онъ, вѣроятно, болѣе не были нужны.

Пушкинъ въ то время находился въ Михайловскомъ. Пріѣхавъ оттуда, онъ поспѣшилъ исполнить это требованіе, и 19 ноября написалъ къ генералу Клейнмихелю слѣдующее письмо:

„Возвратясь изъ путешествія, нашелъ я предписаніе вашего высокопревосходительства, коему и поспѣшилъ повиноваться. Книги и бумаги, коими пользовался я по благосклонности его сіятельства графа Чарышева, возвращены мною въ военное министерство.

„Обращаюсь къ вашему высокопревосходительству съ покорнѣйшею просьбою: въ главномъ штабѣ находится одна, мнѣ еще неизвѣстная книга, содержащая послѣднія письма и донесенія генерала Бибикова (1774 г.). Мнѣ было бы необходимо справиться съ сими документами: осмѣливаюсь просить на то соизволенія вашего высокопревосходительства.

„Съ глубочайшимъ почтеніемъ честь имѣю быть“, и проч.

По приказанію генерала Клейнмихеля, въ архивѣ инспекторскаго департамента наведена была справка объ упомянутой Пушкинымъ книгѣ. но оказалось, что тамъ ея нѣтъ, и что она находится въ архивѣ генеральнаго штаба (собственно военно-топографическаго депо). Генералъ

Клейнмихель коротко отвѣчалъ Пушкину 29 января ¹1836 года, что книги, которой онъ проситъ, „ни въ здѣшнемъ, ни въ московскомъ архивѣ инспекторскаго департамента нѣтъ.“ Такимъ образомъ Пушкинъ, адресовавшись не туда, куда слѣдовало, не ознакомился съ книгой, которая дѣйствительно находится въ архивѣ военно-топографическаго депо ², и этимъ кончилась переписка его съ военнымъ министерствомъ.

Переписка о дозволениі пользоваться государственнымъ архивомъ для исторіи Пугачевского бунта началась не прежде 1835 года, то-есть уже послѣ изданія книги по этому предмету. 2 февраля графъ Бенкендорфъ сообщилъ Д. В. Дашкову, какъ министру юстиціи, высочайшее повелѣніе о допущеніи камеръ-юнкера Пушкина въ сенатскій архивъ, для прочтенія дѣла о Пугачевскомъ бунтѣ и составленія изъ него выписки.

Въ то время существовала временная коммиссія для разбора дѣлъ сенатскаго архива, и такъ какъ на основаніи правилъ данныхъ въ руководство этой коммиссіи, Пугачевское дѣло, какъ секретное, подлежало передачѣ въ государственный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, то Дашковъ испрашивалъ высочайшаго разрѣшенія, какъ ему поступитъ относительно Пѣшкина. Государь приказалъ дѣло о Пугачевскомъ бунтѣ въ восьми запечатанныхъ пакетахъ передать въ государственный архивъ, и о допущеніи туда Пушкина увѣдомить графа Нессельроде, которому Дашковъ и сообщилъ объ этомъ 21 февраля.

Затѣмъ, конечно по соглашенію между обоими министерствами, дѣло о Пугачевѣ изъ сената доставлено было прямо къ Пушкину. Распечатавъ восемь связокъ, въ которыхъ оно заключалось, онъ не нашелъ въ нихъ главнѣйшаго, по его словамъ, документа,—допроса снятаго съ Пугачева въ Москвѣ. Поэтому Пушкинъ, письмомъ 28 августа того же года, просилъ завѣдывавшаго тогда государственнымъ архивомъ Василія Алексѣевича Полѣнова, снестись о томъ съ начальникомъ архива Московскаго, А. Θ. Малиновскимъ,

¹ Роковой день кончины Пушкина въ слѣдующемъ году.

² См. статью мою: „Матеріалы для исторіи Пугачевского бунта“ во 2-й кн. *Записокъ Академіи Наукъ* за нынѣшній годъ.

которому вѣроятно извѣстно, гдѣ находится сей документъ.

Желаніе Пушкина было исполнено, хотя и не скоро. 20 сентября К. К. Родофиникинъ писалъ къ Малиновскому по этому предмету. Малиновскій отвѣчалъ, что въ Московскій архивъ никакихъ официальныхъ бумагъ о Пугачевѣ не поступало, но что въ архивской библіотекѣ находятся собранные приватно его предмѣстниками, Миллеромъ и Бантышъ-Каменскимъ, современные матеріалы: изъ портфеля Миллера шесть такихъ тетрадей, и томъ in-folio разныхъ бумагъ, внесенный въ архивъ Бантышъ-Каменскимъ въ 1808 году. Эти матеріалы были препровождены въ здѣшній государственный архивъ, и конечно сообщены Пушкину.

По смерти его, графъ Бенкендорфъ, отношеніемъ 6 февраля 1837 г., просилъ графа Нессельроде доставить вѣдомость всѣмъ бумагамъ изъ разныхъ архивовъ, которыя были выданы Пушкину чрезъ министра иностранныхъ дѣлъ. Нессельроде отвѣчалъ, что Пушкинъ занимался бумагами архивовъ въ самомъ домѣ министерства, для чего отведена была особая комната, и возвращалъ дѣла по мѣрѣ ихъ прочитыванія; невозвращенною же осталась только рукопись сочиненія Корба, которую графъ и просилъ доставить. За болѣзнію Бенкендорфа, Дубельтъ увѣдомилъ 24 марта, что между книгами и бумагами покойнаго поэта, рукопись Корба не оказалась, и что онъ просилъ Жуковского возвратить эту рукопись, если она въ послѣдствіи отыщется.

Изъ всѣхъ этихъ сношеній видно, какъ серьезно нашъ гениальный писатель смотрѣлъ на предпринятый имъ трудъ, и какъ дѣятельно заботился объ усовершенствованіи его. Но начавъ вскорѣ издавать журналъ, онъ не успѣлъ уже заняться разработкою новыхъ матеріаловъ, и самъ сомнѣвался въ возможности передѣлать свою книгу, это видно изъ словъ той же антикритики, напечатанной въ 3-мъ томѣ *Современника* 1836 г. Пушкинъ тутъ говоритъ, что онъ рѣшился отвѣчать Броневскому, „тѣмъ болѣе что *Исторія Пугачевскаго бунта*, не имѣвъ въ публикѣ никакого успѣха, впроятно не будетъ имѣть и втораго изданія“. Можно однакожь полагать, что такой строгій къ самому себѣ писатель какъ Пушкинъ рано или поздно

возвратился бы къ своему труду, еслибы не помѣшала ранняя смерть его; но какъ бы то ни было, *Исторія Пугачевскаго бунта* осталась въ своемъ первоначальномъ видѣ. Недостатокъ знакомства съ самыми важными источниками не могъ не отразиться на этомъ сочиненіи, и надобно еще удивляться *относительному* обилію вѣрныхъ и точныхъ свѣдѣній собранныхъ Пушкинымъ, если вспомнимъ какъ мало времени онъ употребилъ на всю эту работу, и какъ мало имѣлъ навыка въ историческихъ изслѣдованіяхъ. Впрочемъ иногда замѣтно, что онъ не вполне пользовался и тѣми матеріалами, какіе были въ рукахъ его, и довольствовался легкими, хотя и мастерскими очерками, когда можно было развить предметъ съ большою подробностью. Даже нѣкоторые изъ документовъ имъ самимъ напечатанныхъ остались у него какъ будто безъ приложенія къ дѣлу.

По словамъ самого Пушкина (въ отвѣтъ Броневскому), онъ посвятилъ два года, то-есть 1833 и 1834, на составленіе *Исторіи Пугачевскаго бунта*. Прямая въ расчетъ другіе труды, которые занимали его въ то же время, мы должны значительно сократить этотъ срокъ. Вѣроятно первый томъ, въ которомъ самый текстъ состоитъ только изъ 168 страницъ, довольно разгонистой печати, былъ законченъ уже въ 1833 г., на что указываетъ и предисловіе, помѣченное 2-мъ ноября этого года. Въ 1834 же происходило печатаніе какъ этого тома, такъ и втораго, содержащаго одни приложенія.

Я уже сказалъ, что въ этихъ приложеніяхъ заключаются почти одни извлеченія изъ дѣлъ инспекторскаго департамента. О какихъ же 18 толстыхъ томахъ in-folio Пушкинъ въ отвѣтъ Броневскому говоритъ, что прочелъ ихъ со вниманіемъ? Не надо забывать, что этотъ отвѣтъ писанъ былъ уже спустя по крайней мѣрѣ полтора года послѣ появленія *Исторіи Пугачевскаго бунта*. Пушкинъ говоритъ тутъ не объ однихъ бумагахъ прочитанныхъ до напечатанія этого труда, но и о тѣхъ, которыя онъ имѣлъ въ рукахъ уже послѣ, когда задумывалъ второе изданіе книги. Подъ этими 18 томами слѣдуетъ разумѣть, вопервыхъ, 2 тома изъ петербургскаго архива инспекторскаго департамента, и 8 книгъ изъ московскаго отдѣленія этого архива;

вовторыхъ, 8 связокъ, въ послѣдствіи доставленныхъ Пушкину изъ сената, и имъ распечатанныхъ.

Изъ словъ самого Пушкина въ его антикритикѣ, видно, что онъ придавалъ особенную цѣну второму тому своей книги. „Взглянувъ, говоритъ онъ, на приложенія къ *Исторіи Пугачевского бунта*, составляющія весь второй томъ, всякій легко удостовѣрится во множествѣ важныхъ историческихъ документовъ, въ первый разъ обнародованныхъ¹... Признаюсь, я полагалъ себя въ правѣ ожидать отъ публики благосклоннаго приема, конечно не за самую *Исторію Пугачевского бунта*, но за историческія сокровища, къ ней приложенныя.“ Сверхъ этихъ документовъ, Пушкинъ приложилъ къ своему труду карту и именной указатель. Нельзя не пожалѣть, что по сіе время издатели сочиненій Пушкина, послѣ его смерти, не напечатали вновь этихъ двухъ важныхъ пособій къ *Исторіи Пугачевского бунта*.

Я. ГРОТЪ.

¹ Дополненія къ нимъ, собранныя мною изъ разныхъ архивовъ, печатаются въ *Запискахъ Академіи Наукъ*. Изъ свидѣній представленныхъ здѣсь, объясняются, между прочимъ, и слова, до сихъ поръ мало понятныя, въ предисловіи къ этой книгѣ: „Сей историческій отрывокъ составлялъ часть труда, мною оставленнаго“. Этимъ трудомъ была, какъ мы видѣли, задуманная поэтомъ *Исторія Суворова*.